

ГЛАВА 1

Илинка

Комната выглядела заброшенной.

Темные деревянные панели тускло блестели потрескавшимся лаком, громоздкая кровать неловко застыла у дальней стены, а замотанная в тонкую кисею люстра свисала с потолка нелепым засушенным цветком. Все вещи казались ненужными, забытыми, мертвыми. Даже пейзаж на стене. Вроде и краски яркие, и выписан при помощи магии искусно, а иса — частички живого духа — в нем нет.

Я поставила на пол ведро и захлопнула за собой дверь. В голове до сих пор звучал испуганный шепот Грильдъ: «Милорд возвращается!» Эта фраза с раннего утра гуляла по замку, передаваемая из уст в уста самыми разными голосами. Неизменным в этих голосах было только одно — страх. Все население Белвиля с ужасом ожидало возвращения хозяина. Граф Стобардский и Эрский, владелец Крона, Старкона и Брода, бывший Верховный командующий армией и один из самых сильных арнов империи возвращался домой. В наш Белвиль.

Я посмотрела на портрет графа, висящий на противоположной от окна стене, и невольно поежилась. Вот уж где иса было с избытком! Крупный мужчина в синей военной форме, словно живой, сумрачно глядел на меня из-под нахмуренных бровей, и от этого взгляда мурашки по коже бежали. Настоящий арн. Резкие, словно высеченные скульптором черты, сверкающие алым глаза, темные с синеватым отливом волосы. В нем было слишком много того дикого, первозданного, уходящего корнями в народные предания и жестокую веру предков, что отличало арнов от изнешенных аристократов Олдена.

Интересно, с чего вдруг графа потянуло на родину после стольких лет отсутствия? Зачем ему старый замок? Жил бы себе где-нибудь подальше, вот хоть в столице, в своем огромном особняке, или в Дубровице, в старом господском доме. А Белвиль... Древнее

имение, затерявшееся в глубине Алмазных гор, было родовым леом семьи Крон, но сами арны тут почти не показывались. Если только перед свадьбой невест привозили, чтобы испросить благословение у духа рода.

Вот и нынешний владелец уже лет двадцать в свою вотчину не заглядывал. И лучше бы и еще столько же не появлялся. Старые слуги рассказывали, что нрав у хозяина крутой, да и как может быть иначе, если нутро звериное? «Как этим взглядом своим посмотрит, так душа до самого доньшка заледенеет, — шамкал беззубым ртом Микош. — А если, не приведи Создательница, разгневется, так легче сразу в гроб лечь и крышкой прикрыться, все равно жизни не будет».

Хоть Микошка и казался выжившим из ума стариком, но я склонна была ему верить.

— Ты долго прохладяться будешь? — я так задумалась, что не заметила, как открылась дверь и в комнату протиснулась Салта. — Вот же сварново отродье! Чего глазюками лупаешь? Шевелись давай! Или ты думаешь, хозяин на лошадях от столицы добираться будет?

Старшая вытащила из-за пояса фартука засаленное полотенце и замахнулась, но я незаметно уклонилась, и вонючая тряпка шлепнулась на пол.

— Ах ты ж, лишманка!

Раздосадованная Салта открыла рот, и оттуда понесся такой поток ругательств, что неподготовленный человек вряд ли сумел бы их вынести. А я... а я ничего, привыкла уже. За последнюю пару лет и не такое слышать доводилось.

— Думаешь, коли безъязыкая, так тебе поблажки будут? — выдохшись, прошипела Салта. — И не надейся! Я тут лентяев не потерплю. Чтобы через час комната сияла, — старшая насупилась, отчего крупная красная родинка между ее бровями стала похожа на рог, буркнула еще что-то неразборчивое и вышла, громко хлопнув дверью.

Крепкое дубовое полотно испуганно крякнуло. Ну-ну... Попробовала бы она при хозяине так грохнуть.

Я усмехнулась, подоткнула подол и принялась за уборку. Протерла пыль, вымыла полы, вынесла во двор ковер и снятые с карнизов шторы, выбила их и вернула на место, перестелила белье и расставила вазы со свежими цветами. Да только вот лучше не стало. Как было все мертвым, так и осталось, и на душе оттого темно сделалось.

Паница с детства учила меня, что любая вещь, которой люди пользуются, свою энергию имеет. Светлую или темную — это уж

какой у нее хозяин был. А тут — ничего. Пусто. И в душе знакомый холодок возник. Нечисто что-то с хозяйской комнатой. Неладно. И уйти поскорее хочется, воздуха в груди не хватает.

Я не стала медлить: подхватила ведро с тряпками, да и выскочила за дверь.

Штефан

Погода испортилась. До самого Стобарда лил дождь, и он уже в который раз пожалел о злополучной идее добираться до Белвиля верхом. Понесла ж нелегкая! Шестые сутки в седле, это даже для его железной задницы перебор. А до замка еще день пути. День пути по раздолбанным дорогам дикого края.

Он обвел взглядом ветхие домишки, чавкающую под копытами вороного грязь, покосившиеся заборы, торчащие у калиток уродливые фигурки Скарога и темные глазницы окон. Да... За минувшие двадцать лет в Стобарде ничего не изменилось — все та же нищета и дремучие суеверия.

Штефан скривился. Двадцать лет... Его бы воля, он бы и еще столько же не показывался, да только вот война закончилась, и бывший Верховный командующий армией остался не у дел. Поначалу, после победы, это было не так заметно. Его чествовали, с ним стремились завести знакомства, его обхаживали и зазывали на рауты и приемы, матери семейств благосклонно кивали ему, а их дочери зазывно улыбались. А потом, как по щелчку пальцев, все изменилось. Последние бумаги были подписаны, Штефан принял капитуляцию Варнии, и после этого император уклончиво намекнул, что арнам при дворе не место. И плевать, что он граф, как и десятки поколений его предков, и что состояние нажил немалое, и звериную сущность контролирует. Не нравились Георгу двуединые, боялся их император, с детства боялся, когда впервые арнов в деле увидел. Пока они кровью своей поля и леса Варнии поливали — терпел, улыбался и награды жаловал, а как победу ему в зубах принесли, так и показал свое истинное лицо. Что ж, Штефан понятливый. Всегда таким был, наверное, потому и жив до сих пор. Вот и в этот раз засунул гордость подальше, за несколько дней передал дела, собрал вещички, да и покинул столицу. Поначалу думал в Старицу поехать, а потом представил, как придется раскланиваться с местной знатью, терпеть любопытные взгляды, слышать за спиной шепотки — а с его слухом это то еще мучение, — и решил, что лучше уж в глушь податься, в Белвиль. Самое подходящее место для того, чтобы отсидеться, в себя прийти, понять, как дальше жить.

Вот теперь и пожинает плоды своего решения — хлюпает по грязи и мокнет под бесконечными дождями Стобарда.

Он покосился на серое, сочащееся водой небо и принюхался. Пахло мерзко: влагой, падалью, прелыми листьями. А он уже и забыл, как «сладок» воздух отечества. За пятнадцать лет войны выветрилось из памяти, какая неласковая у него родина.

Штефан стер с лица стекающие капли и нахмурился. А ведь Свард предлагал устроить переход, так нет же, гордость взыграла! Не захотел пользоваться подачками преемника. Надо было соглашаться, не пришлось бы сейчас мучиться.

Дождь, словно издеваясь, припустил сильнее, и настроение окончательно испортилось. Штефан прищипил коня. Взятый на последней станции жеребец дрожал мелкой дрожью, поскальзывался на раскисшей дороге, испуганно ржал. Боялся. Чувствовал зверя и боялся.

Штефан поморщился. Жаль, что Грома больше нет. Проверенный боевой друг — за пять лет ни разу не подвел и сущности его не страшился.

Вспомнилось, сколько раз Гром от верной смерти его уносил, с какой скоростью по высохшим степям Варнии летел. И взгляд последний вспомнился, прощальный. Глаза сливовые, со слезой...

— Гэй-хо! — выкрикнул Штефан, и конь, подчинившись приказу, резко рванул вперед, оставляя позади серые тени домов и унылые силуэты черных деревьев.

До Белвиля оставалось чуть больше пятидесяти кье.

* * *

К замку Штефан подъехал затемно. Крепостная стена и очертания Белвиля тонули в тумане, и вид торчащих из серой пелены башен будил в душе глухую тоску. Зря он сюда приехал. Надо было в Старице оставаться.

Река, преграждающая путь к замку, согласно зарокотала. Когда-то она носила гордое имя Керей-абин — Алмазная, но времена добычи драгоценных камней ушли в прошлое, и название реки изменилось на плебейское Затонка.

— Эй! Есть кто живой? — громко позвал он.

Мост был поднят, а на сторожевых башнях царила тишина. Видать, не ждали сегодня хозяина. Распустились без крепкой руки.

— А ну, открывайте, сварновы дети!

Штефану пришлось долго кричать, пока глухие олухи, охраняющие замок, не проснулись. Вояки, дери их за ногу!

Он громко выругался, наблюдая за поднявшейся на башнях суетой. Замелькали горящие факелы, заскрипели поворотные механизмы, и черная громада медленно поползла вниз, чтобы с громким скрежетом встать в склизкую выемку у самых ног коня. Вороной испуганно дернулся, но Штефан удержал его и заставил ступить на потемневший от времени деревянный настил.

— Ваше сиятельство!

Из распахнутых ворот навстречу ему выбежал низкорослый лысый человек.

— Ваше сиятельство, с возвращением! — рискуя попасть под копыта коня, кланялся незнакомец. — Так рады, уж так рады вас видеть!

Доски скрипели, черная вода под ними недовольно бурлила, бормотала что-то на старостобардском, пенилась злобными бурюнами, а человек все кланялся и угодливо изгибался, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Ты кто? — нахмурился Штефан.

Не помнил он этого... слизняка. Вот, хоть убей, не помнил.

— Я Винкош, ваше сиятельство, — продолжал приседать человек. — Управляющий Белвилем.

Ишь ты, управляющий. А рожа мерзкая, сразу видать, вор и мошенник. И страхом от него за кье несет.

— Уволен, — резко бросил он и, не обращая внимания на причитания слизняка, въехал под низкие своды крепостных ворот.

— С возвращением, ваше сиятельство!

Так, а этого он знает. Высокий, худой, седые волосы черной лентой подвязаны, длинный нос свисает почти до подбородка...

— Лершик?

Штефан взгляделся в унылое, похожее на лошадиное лицо.

— Он самый, милорд, — бледные губы дворецкого растянулись в подобие улыбки, но глаза оставались настороженными.

— А ты не меняешься, — Штефан соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчишке. — Вели баню затопить да девчонку какую-нибудь посмышленее пришли.

Он покосился на застывших у порога слуг и добавил:

— Только пусть умоется, надоело уже на немые рожки смотреть.

Грязь под сапогами смачно чавкнула, заставив Штефана поморщиться. Не двор, а конюшня...

— Будет исполнено, ваше сиятельство, — проблеял Лершик.

Но он уже не слышал. Отодвинул дворецкого с дороги и, не обращая внимания на кланяющихся слуг, прошел в дом.

Внутри было ничем не лучше, чем снаружи. Темные, закопченные стены, выщербленные плиты пола, тусклый свет солевых свечей. И запах... Неприятный запах заплесневевшего сыра, луковой похлебки и кислого хлеба.

— Где экономка? — не оглядываясь на семяющего за ним дворецкого, спросил Штефан.

— Ваше сиятельство, — тут же кинулась ему под ноги какая-то рыхлая старуха, похожая на разваливающуюся копну сена. — Добро пожаловать в Белвиль!

— Ты, что ли, домоправительница?

Он брезгливо скривился, разглядывая уродливую бабу в пышной многослойной юбке с вышитыми на ней национальными узорами. От черно-красного орнамента зарябило в глазах, и Штефан поспешно отвел взгляд.

— Как зовут? — резко спросил он.

— Салта, милорд.

— Ужин готов?

— Да, милорд, — угодливо закивала старуха, и глазки ее превратились в узкие щелочки, скрылись, утонули в толстых обвислых щеках.

— Через час пусть принесут в мои покои, — приказал Штефан.

Он не стал дожидаться ответа. Скинул плащ на руки дворецкому, пошатнувшись под тяжестью мокрой ткани, и пошел к лестнице.

Слуги замерли за его спиной испуганными зверушками, не решаясь пошевелиться. Штефан скривился. Везде одно и то же: страх, неприязнь, подленькое, трусливое любопытство... Пожалуй, из всего этого перечня последнее он ненавидел больше всего.

Темный коридор привел его к высокой дубовой двери. Полотно было старым и почерневшим от времени, рядом с ручкой отчетливо виднелись следы когтей. Кто-то из предков память о себе оставил. Он потянул медное кольцо и вошел в свою бывшую спальню. Хотя почему бывшую? Теперь вот это все, включая уродливый портрет, написанный Йонасом, — его настоящее.

Штефан обвел глазами тесные покои. Да, весело же ему тут будет...

— Лершик! — гаркнул он, зная, что дворецкий притаился за дверью.

— Ваше сиятельство?

Неприятный скрип повторился.

Старик не рискнул переступить порог, так и остался стоять в коридоре, буравя его своими цепкими глазками. Послал же Сварн работничков! Все один к одному!

— Баню затопили?

— Да, милорд. С обеда еще, как узнали, что вы к Стобарду подъезжаете, так и того... затопили.

— Вели принести штоф ратицы, — снимая с пояса оружие, приказал Штефан. — И яблок моченых. Да поживее!

— Слушаюсь, милорд.

Лершик поклонился и поспешил уйти, а он стянул рубаху, бросил ее в кресло и распахнул окно. Прохладный воздух прошелся по уставшему телу, словно ласковые руки любовницы. В ноздри ударил аромат влажной земли, цветущих каштанов, прелой прошлогодней листвы. Штефан распахнул створки пошире и высунулся едва ли не по пояс. Темнота и туман скрывали очертания деревьев, но тонкий запах горьковатого меда ощущался отчетливо. Впервые за две седмицы на душе стало чуточку светлее.

Все-таки хорошо, что его покои выходят не во двор, а на крепостную стену, за которой нет ни хозяйственных построек, ни людей, один только лес.

Тихий стук в дверь заставил его обернуться. На пороге стояла пышнотелая девица с длинной темной косой. В руках девица держала поднос с запотевшим штофом и глиняной миской с мочеными яблоками.

— Ваше сиятельство!

Он окинул сдобную красавицу внимательным взглядом. Молодая, лет шестнадцати, не больше; щеки зарумянились от смущения, глаза блестят от любопытства и самую малость — от страха, губы алеют сочной вишней.

— Там поставь, — кивнул он на стол, а зверь внутри уже принюхивался, присматривался, оценивал налитую грудь и крутые бедра, плотоядно скалился.

— Что-нибудь еще, милорд?

Девица поставила поднос, но уходить не спешила. Глупая в своей наивности и доступности...

— Вон пошла, — неизвестно с чего разозлился Штефан.

Он старался не смотреть на прислугу, не хотел, чтобы она увидела его наливающиеся гневной краснотой глаза, а внутри просыпалась знакомая жажда. Зверь требовал своего.

— Да, милорд, — испуганно пискнула девица и выскочила из комнаты, а он отвернулся к окну и вцепился в подоконник, стараясь удержать рассерженного зверя.

Обычно Штефану легко удавалось укротить свою сущность, но сейчас, после долгого путешествия, сделать это было сложнее, чем обычно. Хотя к чему лукавить? Не путешествие виновато, а то, что ему предшествовало. Себе-то можно и не лгать. Да, он зол и обижен. И душа ноет, как гнилой зуб. И гордость задетая не уймется никак, и самолюбие растревоженное свербит, рвет когтями, воет дурниной.

И что с того, что Штефан понимает причины своей отставки? Умом понимает, а вот сердце не желает соглашаться с несправедливостью, и звериная сущность мечется, отомстить требует за унижение. А еще — подачку императорскую, в виде Краверского лея, назад вернуть.

Подоконник скрипнул под пальцами, на пол посыпались щепки, и это вернуло его к реальности.

Ничего он возвращать не будет. Кравер — богатый город, там одних фабрик и заводов около двадцати, да и порт опять же, с него неплохой налог в казну идет. И теперь это все ему принадлежит. Осталось только управляющего толкового найти.

При мысли об управляющем вспомнился слизняк, кинувшийся под копыта коня, дебелия домоправительница, неопрятные слуги, и Штефан снова нахмурился. Разогнать бы к рагжу всю эту шваль!

Он одним махом опрокинул рюмку ратицы, шумно выдохнул и откусил большой кусок яблока. Сок брызнул, прокатился по языку пряной, отдающей анисом кислинкой, и это почти примирило его с жизнью. Умеют в Белвиле яблоки мочить. Нигде таких больше нет. Сколько лет прошло, а вкус не изменился, надо бы узнать, что за мастерица соленьями занимается.

Но все это завтра, а сейчас — завалиться в баньку, да и позабыть обо всем. Тело девичье под себя подмять, груди белые в ладонях сжать, жаром смолянистых дров надыхаться.

Штефан расстегнул пряжку ремня, стащил дорожные штаны — тяжелые, с кожаными накладками, и, накинув лежащий на кровати халат, вышел из комнаты.

Илинка

— Ну-ка, выстроились все в линейку! — тон Лершика не предвещал ничего хорошего. — Дрина, лихова дочка, куда побегла? А тебе, Станка, что, особое приглашение нужно? Давайте-давайте, становитесь! — гремел дворецкий.

Даром что старый и тщедушный, а голосина — мертвого поднимет!

Лершика в Белвиле не любили. Был он жестким и приметливым, ошибок не прощал, а за проступки наказывал сурово и безжалостно. «Не слушаться меня — все равно что хозяину перечить», — любил повторять дворецкий. Да он и чувствовал себя полноправным хозяином Белвиля. Арны-то в поместье не показывались, вот Лершик и прибрал к рукам всю власть. Даже управляющий у него под пятой оказался.

— Поторапливайтесь! — не унимался дворецкий. — Быстро, быстро! Хозяин ждать не будет.

Служанки, переглядываясь, выстроились вдоль стены, а я незаметно отступила за печку. Темная рубаха сливалась с темнотой закутка, глядишь, никто меня и не заметит.

— Все здесь? — прищурился дворецкий.

Сальные свечи давали больше чада, чем света, и разглядеть в полутьме кухни что-либо дальше пяти шагов было невозможно. На это я и надеялась. Чутье, обострившееся за последнюю пару лет, подсказывало, что лучше в линеечку не выстраиваться, потому как ничего хорошего нас не ждет.

— Ну, раз все тут, — откашлялся Лершик, — тогда...

Договорить он не успел.

— Не все, дан Лершик, Илинка за печкой прячется, — тоненько выкрикнула Милица.

Вот же вредная девка! Так и норовит гадость какую-нибудь сделать. С самого начала, как я в замке появилась, у нас с ней не заладилось. То за столом в один кусок хлеба вцепимся, то в бане веник не поделим. Милка, как и я, была младшей служанкой. На наших плечах вся грязная работа лежала: каминны почистить и растопить, дров на кухню натаскать, в подсобных помещениях и во дворе прибраться, ну и остальное все, что старшая прикажет. Только вот Милица особо стараться не любила, свою часть работы норовила на меня переложить и злилась, когда получала отказ. А мне чужого не надо, своих дел невпроворот, чтобы еще и за лентяйкой Милкой подбирать.

— Илинка! — грозно позвал Лершик.

Мне пришлось выйти из своего укрытия.

— Столько времени попусту потерял из-за тебя, — нахмурился дворецкий.

— А чего звали-то, дан Лершик? — подала голос Надья, спокойная, рассудительная девушка, работающая на кухне. — Или случилось что?

— Случилось, — глазки Лершика нехорошо блеснули. — Милорд в бане моется, велел девку попригожее прислать. Я Минку

отправил, а она хозяину не понравилась, выгнал. Вот теперь и думай, кто из вас, лишманок, угодить ему сможет.

— Выходит, зря Минка похвалялась? — хихикнула Станка, и ее остренькое, похожее на лисье личико расплылось в победной улыбке. — Вот тебе и первая красавица Белвиля! Забраковал хозяин-то!

— Молчать! — рявкнул Лершик. — Вы бы лучше, чем зубоскалить, рожь свои умыли. Вот ты, Илинка, когда в последний раз мылась? — повернулся он ко мне. — Черная вся, и не разберешь, лицо у тебя или подошва!

Я нарочито покаянно потупилась, а сама едва улыбку сдержать смогла. Это хорошо, что не разберешь. Меньше внимания обращать будут кому не след.

— А ты, Дрина?

Дворецкий подошел к невысокой, скуластой беловшейке и бесцеремонно ухватил ее за подбородок.

— Тьфу, — в сердцах сплюнул Лершик. — Глянуть не на что. И кого мне к милорду отправлять? Все как одна уродины.

Он прошелся вдоль строя, хмурясь и всматриваясь в лица служанок недовольным взглядом, постоял передо мной, а потом отошел к моей соседке по комнате.

— Ты, — длинный кривой палец уперся в пышную грудь Златы.

— Что, дан Лершик?

— Иди умойся, рубаху новую надень, и бегом к милорду. Да смотри у меня, чтобы хозяин доволен остался!

— Дан Лершик, а где я рубаху новую возьму? — голос Златки испуганно задрожал. — У меня одна всего, и та на мне.

— Салта! — поморщившись, крикнул дворецкий. — Выдай Злате одёжу попримечнее, — покосился он на подоспевшую старшую.

— Так ведь все равно...

Салта не договорила, остановленная взглядом Лершика. Мне от этого взгляда не по себе стало. И дворецкий, и домоправительница еще при старом хозяине, деде лорда Штефана, служить начинали и хорошо знали нравы арнов. Так почему же все равно, что на Златке будет? Или зверю без разницы, какую рубаху рвать?

Сердце забилося неровными толчками, а внутри подленькая мысль мелькнула: «Хорошо, что не меня выбрали».

— Все, идите, — сердито рявкнул дворецкий и внушительно посмотрел на старшую. — Проследи, чтобы эта дуруха не сбегала, — тихо велел он.

— Куда тут бежать-то? — огрызнулась Салта. — Лес кругом.

Это да. Вокруг Белвиля только леса да болота, а до ближайшей деревни несколько часов пешего пути.

Старшая схватила Златку за руку и потащила за собой, а та все оглядывалась на нас, и глаза ее были такими испуганными, что мне тошно стало. Стою здесь, за свою шкуру дрожу, радуюсь, что пронесло...

— Дан Лершик! — пискнула Грильда, вторая кухонная девка.

— Что?

— А зачем хозяину Златка? Он же ей ничего плохого не делает?

— А зачем взрослому мужчине баба? — сверкнул на нее глазами дворецкий. — Неужто до своих лет дожила и не знаешь?

Служанки вокруг оживились, захихикали, а я почувствовала, как щеки опалило жаром.

— А вы чего бездельничаете? — грозно посмотрел на нас Лершик. — Кто за вас работать будет? Камин в парадной зале нечищенный, в холле полы грязные, а они прохлаждаются! Ну-ка, марш по своим местам!

Под тяжелым взглядом дворецкого служанки неохотно разошлись. Я замешкалась и тут же услышала грозный окрик:

— А ты что стоишь? Ступай в хозяйскую спальню, камин растопи. И рожу умой, а то еще милорд увидит, испугается.

Ага. Увидит он, как же! Что я, совсем без головы, на глаза ему показываться?

— Бегом! — гаркнул дворецкий.

Я торопливо схватила стоящее у печи ведро с совком и выскочила за дверь.

* * *

В покоях арна ничего не изменилось. Когда я тихонько постучала и заглянула в комнату, там никого не было. Только горящие в канделябре свечи да грязная одежда, кулем лежащая на полу, напоминали о том, что хозяин Белвиля вернулся.

Сама не знаю, какой рагж меня попутал, но я зачем-то подняла полотняную рубаху и попыталась разглядеть тонкую вышивку, украшающую ворот. Петли бесконечности, изгибы безвременья, цветок райса... Анатолийский оберег. Интересно, от кого арн пытается защититься? Или это подарок какой-нибудь зазнобы?

Пальцы ощупывали ровные стежки, а в голове всплывали яркие воспоминания. Берег моря, песчаная отмель, свежий, пропахший солью и смолой воздух, длинная шелковая лента, трепещущая на ветру...